

навливаются факты того, что несовершеннолетний опрашивается сотрудниками полиции в отсутствие законного представителя и педагога.

Кроме того, в постановлении о направлении несовершеннолетнего в Центр либо вообще не указываются, либо в недостаточной мере указаны обстоятельства, согласно которым необходимо помещение несовершеннолетнего в Центр, поскольку в соответствии с законодательством установление факта совершения несовершеннолетним общественно-опасного деяния до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не является основанием для помещения его в Центр.

Таким образом, при рассмотрении практики помещения несовершеннолетних правонарушителей в Центр можно говорить о том, что существует ряд проблем, решение которых позволит повысить эффективность предупреждения и профилактики правонарушений со стороны указанной категории лиц.

УДК 343.97

Ю. Л. Приколотина

Полоцкий государственный университет (Беларусь)

ПЕРЕХОДНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Криминологическая интерпретация преступного поведения по сей день остается востребованным научным продуктом. Необходимость последнего обусловлена не только устойчивостью, распространенностью и вредоносностью преступности, но и динамичностью ее качественных и количественных характеристик. Согласно идеям социологической парадигмы последние закономерно рассматриваются в качестве последствий и одновременно выражения масштабных и существенных трансформаций социального характера (прежде всего, в институциональной, ценностно-нормативной системе общества), неизбежно затрагивающих человека.

Исследование преступности в постсоветских государствах требует учета не только их национальных особенностей, обуславливающих специфику локальных социальных порядков, но и общности переходности, в которой они пребывают. Независимо от того, каковыми видятся цели перехода (ожидаемое состояние общества), будь то «открытое общество», «общество свободных индивидов» либо «стабильное общество», само состояние переходности, безусловно, должно быть квалифицировано как кризис.

Транзитивность постсоветских стран выражается в первую очередь в кризисе социальных институтов – аномичном состоянии системы ценностно-нормативной регуляции. При этом региональная переходность усугубляется

эффектом глобальной трансформации – аномией в масштабах мировой системы, выражающейся в повсеместном росте абсолютных и относительных показателей преступности, что можно квалифицировать в качестве индикатора мирового переустройства.

Кризис социальных институтов как дисфункциональный сдвиг характеризуется следующими признаками: частичным или полным отсутствием нормативного регулирования той либо иной сферы жизнедеятельности либо ее сегментов, ослаблением воздействия внешних нормативных регуляторов (гетерономного воздействия, то есть внешнего контроля поведения личности), расплывчатостью, неустойчивостью и противоречивостью норм, определяющих цели деятельности, и норм, определяющих порядок и средства достижения заданных целей. Именно таковым представляется кризисное (аномичное) состояние социума согласно концепции социальной дезорганизации Э. Дюркгейма.

Согласно его же мысли состояние аномии является транзитивным также в смысле смены типа взаимодействия индивида и коллективных субъектов – от механической солидарности к солидарности органического порядка. Первая основана преимущественно на жесткой внешней регуляции, вторая – на добровольном осознании личностью своей зависимости от общества. В связи с этим содержание трансформационного процесса видится в расширении меры самостоятельности индивида, как бы в переносе силы тяжести с социума как коллективного субъекта на личность, и соответственно в возрастании значения ее качеств и личного усмотрения (воли) в генезисе индивидуального поведения.

Таким образом, ожидается изменение источника и соответственно качества поведения отдельного индивида, а соответственно общественных отношений, то есть их ценностно-нормативной составляющей: гетерономные регуляторы должны быть дополнены (умеренный подход) либо заменены (радикальный подход) внутренними (автономными).

Снижение значимости внешнего регулирования с неизбежностью требует обратиться к проблеме личности, ибо именно она должна стать инициативным центром социальных преобразований, их основным актором, то есть субъектом нормотворчества. Однако данный процесс сопряжен с рядом затруднений. Ибо, констатируя переходность общества, необходимо констатировать и переходность человека (доминирующего типа личности) – от человека определяемого к человеку определяющему (определяющемуся). Актуальная личность как бы стоит между двух миров: миром, в котором она являлась связанной извне, и миром, в котором она не нуждается в связывании (ограничении).

Человек переходного периода, по мнению Е.В. Куракиной, может быть назван «человеком разбегающимся». В условиях трансформации личность пребывает в неустойчивом состоянии – она уже знает о своем значении и о своей свободе, так как в первую очередь ей даруется право на нее (право на свободу, право на достоинство), однако еще не осознает себя свободной, не имеет необходимого опыта и не понимает неизбежного последствия и назначения осво-

бождения – ответственности. Потому первыми актами нарождающегося человека являются понимание и проявление свободы как возможности и намерения отрицать.

С.А. Левицкий называет такую свободу отрицательной, либо свободой «от». Свобода такого рода может быть охарактеризована как способность к игнорированию, пресечению либо редукции внешних и внутренних влияний, но есть еще только произвол, то есть «возможность всего». Свобода отрицательная является необходимой, но недостаточной, так как должна сублимироваться в свободу положительную (свободу «ради») – свободу от детерминации ради служения идеальным, сверхличным ценностям. Негативность свободы, проявляющаяся в масштабах общества, может быть обозначена как глобальная негативность.

Будучи склонной отрицать, характеризуемая личность не стремится обнаружить объективных оснований нормативных, в том числе правовых требований, потому зачастую оказывается во власти стихии. В.А. Тимофеев отмечает: «Видимо, первоначальные этапы движения к стабильным обществам вряд ли могут предполагать приоритетный анализ человека как автономного существа идентичного самому себе».

В.Б. Агранович полагает, что для переходного типа личности характерна антиномичность разума. Плюрализм мнений, обуславливающий ситуацию постоянного выбора между несовместимыми «ценностями», в условиях утраты внешних ориентиров и потери внешними регуляторами своей прежней силы приводит личность к внутреннему конфликту. В связи с этим неудивительной представляется широкая востребованность в настоящее время как манипулятивных технологий (технологий влияния), так и технологий саморазвития (понимаемого как самоосвобождение).

Плюрализм в ценностно-нормативной сфере в условиях масштабной незрелости личности чреват многими криминогенными последствиями, ввиду своей избыточности он приводит к распространённости релятивизма и более жестких форм отклоняющегося ценностного сознания (правового, морального, религиозного, эстетического нигилизма). Так, распространённой оказывается «переходная мораль», характеризующаяся подменой нравственного критерия критерием эффективности – «нравственно то, что эффективно».

Доминирующим мотивом поведения личности становится прагматический (корыстная направленность). Он имеет место и при выборе профессии: лицо сориентировано на цели достижения благосостояния, некоего социального статуса, возможности трудоустройства, то есть на «ценности» комфорта. В связи с этим закономерным видится противоречие между образом жизни и труда профессионала и ценностной сущностью (целями) его деятельности. Примером такого рассогласования может послужить распространённая среди юристов поговорка «знание закона освобождает от ответственности», которая, согласно справедливой мысли Е.А. Гнатенко, иллюстрирует недооценённость права

служителями закона. На первое место выходит не долг, а потребности (понимаемые многообразно).

Используя теорию идеальных типов социального действия М. Вебера, необходимо констатировать распространенность (если не доминирование) целерационального типа социального действия, характерного и закономерного для хозяйственной деятельности, однако распространившегося на типы отношений, для которых является неприемлемым (личные отношения, сфера служебной деятельности, правосудие и т. д.). Не менее распространенным следует считать и традиционное социальное действие, то есть поведение, являющееся продуктом социально обусловленной привычки. Общее в этих типах – отсутствие ценностного измерения.

Итак, личность «переходная» еще не может быть названа свободной (освобожденной) в позитивном смысле, так как осознание возможности еще не является гарантией употребления ее во благо (по назначению, целесообразно). Следует полагать, что именно этот факт вызывает к жизни универсализацию императивного воздействия – усиление правового контроля. Авторитет государства и права зиждется в текущий момент преимущественно на силе, ведь подавляющее большинство понимает право не как продукт разума, а исключительно как требование, поддерживаемое силой, не доверяет праву и не осознает его объективных оснований, то есть обладает негативным правосознанием.

Описанная ситуация заслуживает наименования парадоксальной – снижение значения внешних нормативных предписаний приводит к тому, что они уже не воспринимаются как воля социальной общности (что характерно для коллективизма), но и не воспринимаются как значимые в силу объективности (обоснованности, справедливости, истинности).

Чрезвычайно важным является учет состояния переходности общества и личности в криминологических исследованиях, ведь описанная ситуация должна быть расценена как криминогенная.

В связи с обозначенными выше позициями перенос центра тяжести криминологических исследований на проблему личности, поставленную в связи с необходимостью поиска возможностей стимулирования ее позитивной свободы либо ограничения негативной (без потери возможности позитивной), следует признать первоочередной научной задачей.